

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	8
Эпоха нестабильности на планете	8
Исследовательские задачи	16
Философия и задачи антропоцена	25
Структура работы	31
Глава 1. Изменение климата: проблема, которой мы не замечаем	36
Правдоподобная оценка состояния климата	36
Документы ООН	41
Глобальные катастрофы: осознать или игнорировать?	47
Глава 2. Эпоха апатии	54
Климатический тупик	54
Основание для надежды?	
Парижское соглашение по климату	63
Идеальный моральный шторм	69
Причины дениализма	74
Бессилие науки	86
Глава 3. Начало дискуссии об антропоцене	93
Два спора у истоков дискуссии	93
Ранний плейстоцен, Колумбов обмен, промышленная революция или 1950 год?	99
«Великое ускорение» как начало антропоцена: формирование науки о Земле как системе	105
Чисто геологический спор? Или идеологический тоже?	114
Глава 4. Формирование словаря эпохи человека	129
«Коварная» проблема	129
Политический аспект кризиса на планете	134

Конец природы	143
Незамеченная агентивность природы	151
Геоистория, новая концепция времени и ответственность за будущее	160
Границы воображаемого?	164
Непрерывный апокалипсис и фетишизация катастрофы	171
Глава 5. Лики антропоцена	176
Сон о прекрасном антропоцене	176
Сокрушительная критика: самонадеянная фантазия или лживая пропаганда?	183
Метаболизм эпохи капиталоцена	194
Смиренный антропоцентризм на своенравной планете	199
Глава 6. Недостатки экологической рефлексии в эпоху антропоцена	211
Трудная задача	211
Опасные метафоры	213
Исчерпала ли себя парадигма устойчивого развития?	216
Ошибочные действия экологических активистов	224
Решение первое: экологизация гуманитарных наук	231
Решение второе: политика природы	237
Глава 7. Риторика дезинформации	242
Введенные в заблуждение	242
Неверие по заказу: global warming denial movement	244
Механизм гиперотрицания: действующие лица	249
Механизм гиперотрицания: риторические стратегии	256
Как сохранить авторитет науки?	270
Глава 8. Аварийные планы антропоцена	278
Климатическая инженерия: набросок проекта	278
Эксперименты с погодой	287
Приостановка экспериментов	292
Инженерия человека	298

Глава 9. Риторические ловушки технооптимизма . . .	303
Риторика статей о геоинженерии в СМИ	303
Опасное упрощение	308
Отсутствие политического воображения	312
Риторика контроля и управляемости, маскирующая беспорядочные эксперименты	320
Технологии гордыни	328
Заключение	336
Уникальный потенциал дискуссии об антропоцене . . .	336
Апатия... и другие аксиологические проблемы эпохи человека	344
Библиография	354
Приложение 1. Основные дискурсы антропоцена . .	380
Приложение 2. Спор о названии	382
Приложение 3. Словарь антропоцена (в тематическом порядке)	383
Указатель имен	387

ВВЕДЕНИЕ

Экология становится символом нашего времени — времени, лишённого представления о будущем¹.

ЭПОХА НЕСТАБИЛЬНОСТИ НА ПЛАНЕТЕ

Конец XX века ознаменовался появлением удивительной концепции в научном сообществе. В 2000 году двое выдающихся ученых — американский биолог Юджин Ф. Стормер и голландский исследователь атмосферы Пауль Крутцен (лауреат Нобелевской премии по химии 1995 года) — предложили назвать современную геологическую эпоху антропоценом, то есть «эпохой человека»². Это предложение вызвало широкий резонанс, и понятие антропоцена приковало к себе внимание, послужив поводом для обсуждения непривычных тем. Эти дискуссии и легли в основу настоящей книги.

Стормер и Крутцен указывали на то, что деятельность человека и его влияние на облик планеты — ее литосферу, гидросферу и атмосферу — достигли сегодня беспрецедентных масштабов. *Homo sapiens* как вид, утверждали они, теперь можно рассматривать как главный фактор, определяющий состояние планеты на геологическом уровне. Символическим началом антропоцена, по мысли Стормера и Крутцена, можно считать момент, когда Джеймс Уатт запатентовал паровой двигатель (1784) — изобретение, способствовавшее промышленной революции, интенсивному использованию ископаемого топлива и выбросам углекислого газа (CO₂) в атмосферу³.

¹ Caparrós M. El Hambre, Barcelona: Editorial Anagrama, 2015. P. 694.

² Crutzen P.J., Stoermer E.F. The «Anthropocene» // Global Change Newsletter. 2000. Vol. 41. P. 17–18.

³ См. также Crutzen P.J. Geology of Mankind // Nature. 2002. Vol. 415. P. 23.

Исследователи подчеркнули, что действия человека влекут за собой опасные одновременные изменения планетарной среды по многим ключевым параметрам. Об этом свидетельствуют данные, согласно которым человечество уже перешагнуло так называемые планетарные границы, особенно если говорить об изменении климата, разрушении почвы, повышении кислотности океана, нарушении биогеохимических циклов Земли (то есть круговорота азота и фосфора) и темпах, которыми уменьшается разнообразие биологических видов (так называемое шестое массовое вымирание).

Антропоцен определяют как эпоху, для которой характерно «активное вмешательство человека в процессы, определяющие геологическую эволюцию планеты»¹. Для геологической эпохи это очень непродолжительный период. Впечатление, которое произвела новая концепция, объясняется именно несопоставимостью эпохи человека с другими геологическими эпохами. Плейстоцен, начавшийся 2,58 миллиона лет назад, продолжался до наступления эпохи голоцена, которая началась около 11,7 тысяч лет назад, когда растаял ледниковый щит на Скандинавском полуострове. Формальное признание теории антропоцена (которого еще не произошло) стало бы событием исключительным с точки зрения стандартов геологии и стратиграфии.

Парадоксальное предложение выделить эпоху человека как самостоятельную эру исходило от представителей точных (формальных и естественных) наук во времена, когда в сфере гуманитарных наук все громче звучали призывы к окончательному отказу от антропоцентризма, прежде всего из-за присущей ему гордыни². Проявлением такой гордыни

¹ *Angus I. Facing the Anthropocene. Fossil Capitalism and the Crisis of the Earth System. New York: Monthly Review Press, 2016. P. 53.*

² Антропоцентризм — способ мышления, в котором центром Вселенной считается человек, а наибольшее значение придается тому, что с ним связано. Думаю, можно выделить как минимум четыре основных типа антропоцентризма: когнитивный, онтологический, аксиологический и методологический.

можно было бы счесть и термин «антропоцен». Ведь на рубеже XX–XXI веков исследователи, занимающиеся такими гуманитарными дисциплинами, как эколлингвистика, антропология, этология, биоистория, экологическая этика, а также этика науки и техники, говорили, что мы неминуемо придем к постантропоцентризму, и подчеркивали, как важна экосправедливость в отношении разных биологических видов. Упомянутым переменам способствовали и доводы в пользу создания постгуманитарных дисциплин, экологизации гуманитарных наук, внесения в общественные теории поправок с учетом экологической обстановки и развития политической экологии. Цель этой последней дисциплины — обеспечить стабильное будущее всей совокупности видов (человека и нечеловеческих существ), а не разделять заботу о природе и о человеческом обществе. Французский философ и социолог Бруно Латур убедил многих теоретиков и аналитиков, что нет смысла далее использовать риторику защиты природы (в обычном смысле этих слов)¹.

Сущность когнитивного антропоцентризма, наименее спорного в этом списке, состоит в том, что мы неизбежно подходим к любым проблемам с человеческой точки зрения. Мы обречены оставаться в рамках человеческой перспективы, идет ли речь о мышлении или о моральном выборе. Онтологический (метафизический) антропоцентризм — концепция, сторонники которой уверены, что человек занимает исключительное, привилегированное место в иерархии живых существ. Они считают, что только человек является существом разумным, наделенным сознанием и самосознанием, и что лишь человека можно назвать нравственным субъектом. Аксиологический антропоцентризм, в свою очередь, касается иерархии наших ценностей, приоритетов и целей, которые мы перед собой ставим. Он неизбежно ведет к оправданию того, что мы всё подчиняем интересам человека. С этой точки зрения сохранение и благополучие человеческого рода — главные, не подлежащие обсуждению цели. Наконец, методологический антропоцентризм присущ таким теориям в сфере гуманитарных и общественных наук, проблематика и аргументы которых строятся вокруг деятельности и роли человека, без учета влияния и самой активности внечеловеческих факторов.

¹ *Latour B. Politics of Nature. How to Bring Sciences into Democracy. Cambridge, Mass., London: Harvard University Press, 2004; Latour B. Waiting for Gaia. Composing the Common World through Arts and Politics. Lecture at The French Institute, London. November 2011: <http://www.bruno-latour.fr/node/446>.*

Уже сам успех, каким термин, вынесенный в название этой книги, пользуется в СМИ, показал, что XXI век неравнодушен к проблемам планетарного масштаба, с которыми мы столкнулись. В известных американских газетах об антропоцене начали писать примерно в 2010 году¹. Тогда же на портале *TED (Ideas Worth Spreading)* разместили первые доклады, посвященные антропоцену². В 2011 году обложку журнала *The Economist* украсил слоган «Добро пожаловать в антропоцен»; термин попал и на страницы *The New York Times*. В 2014 году слово «антропоцен» было включено в Оксфордский словарь (*The Oxford English Dictionary*). Годом позже группа *Cattle Decapitation*, исполняющая песни в жанре дэт-метал, выпустила альбом под названием *The Anthropocene Extinction* («Антропоценное вымирание»)³.

На сегодняшний день издается как минимум три профессиональных междисциплинарных научных журналов, посвященных исключительно теме антропоцена: *The Anthropocene Review*, который выпускает компания *Sage Publications*, *The Anthropocene*, редактором которого является Энн Чин, специалист по геоморфологии из Университета Колорадо в Денвере, и *Elementa. Science of the Anthropocene*⁴. База журналов

¹ *Castree N.* Making Sense of Nature. London, New York: Routledge, 2014. P. 237n.

² *Steffen W.* The Anthropocene. TEDxCanberra. 14 November 2010: <https://www.youtube.com/watch?v=ABZjlfhNoEQ>. См. также *Osborne M., Traer M.* Generation Anthropocene Is Upon Us. TEDxStanford. 20 June 2013: <https://www.youtube.com/watch?v=dAoZds7FRs>; *Jamieson D.* Love in the Anthropocene. TEDxLUISS. 11 June 2015: <https://www.youtube.com/watch?v=ZzM5Bwh2ESU>.

³ См. *Angus I.* Facing the Anthropocene.

⁴ См. <https://uk.sagepub.com/en-gb/eur/journal/anthropocene-review>; <http://www.journals.elsevier.com/anthropocene>; <https://www.elementascience.org>. См. также сайт Стэнфордского университета, где можно найти аудиоматериалы, связанные с проблемой антропоцена, — *Generation Anthropocene*: <http://anthropocene.stanford.edu/>, а также *Ted Radio Hour, Anthropocene*: <http://www.prg.org/programs/ted-radio-hour/494774287/anthropocene>. Существует и электронный журнал *Innovation in the Human Age. Anthropocene* (переработанная версия журнала *Conservation*), который издается при поддержке научного

Sage Journals включает в себя более 600 статей, в названии которых содержится слово «антропоцен»¹. Поисковая система *Google* показывает более четырех миллионов страниц по этому запросу². Вполне возможно даже, что нас ожидает имеющий множество измерений междисциплинарный «поворот к антропоцену»³. Участники дискуссии о новой геологической эпохе ищут новых средств выражения, подчеркивая, как они огорчены, что прежняя централизованная экологическая политика, то есть поддержание устойчивого развития, все еще ждет полноценного практического применения, которого заслуживает. Учитывая многомерность и исключительный потенциал дискуссии об антропоцене, она обещает стать одной из важнейших дискуссий XXI века. Впрочем, размышления об ущербе, который человек наносит окружающей среде, появились не одновременно с понятием антропоцена — они сопутствуют нам по меньшей мере со времен промышленной революции⁴. Эпоха антропоцена началась, *несмотря на* то что представители разных наук во многих

объединения *Future Earth*, финансирующего исследования, направленные на разработку инновационных подходов в области устойчивого развития. См. <http://www.anthropocenemagazine.org>.

¹ По состоянию на 26 сентября 2017 года.

² По состоянию на 24 ноября 2019 года.

³ *Nixon R.* The Anthropocene. The Promise and Pitfalls of an Epochal Idea // *Edge Effects*. October 2014: <http://edgeeffects.net/anthropocene-promise-and-pitfalls>.

⁴ Понятие «среда» еще в XIX веке использовалось как синоним «окружения», «внешней обстановки». В научный обиход этот термин вошел благодаря Герберту Спенсеру. В 70-е годы XX века, когда в США было основано Агентство по охране окружающей среды, а ООН утвердила экологические программы, это понятие стало общепотребительным. Уже в XVIII веке окружающую среду воспринимали и как нечто опасное, и как то, что само находится в опасности. Существовало общее представление о ее вредоносном для здоровья загрязнении и об опасности, которую связывали с испарениями и дымом в перенаселенных городах, что увеличивало интерес ученых к гигиене и эпидемиям. См. *Fressoz J.-B.* Losing the Earth Knowingly // *Hamilton C., Bonneuil C., Gemenne F. (ed.)*. The Anthropocene and the Global Environmental Crisis. Rethinking Modernity in a New Epoch. London, New York: Routledge, 2015. P. 72–73.

странах постоянно размышляли о негативном воздействии человека на нашу планету¹. Но, хотя задумываться мы начали уже давно, ничего не изменилось. Вот почему некоторые авторы отмечают, что человек меняет облик планеты совершенно сознательно, и антропоцен — двухвековая кульминация осознанного разрушения².

Я уверена, что именно в представлении об антропоцене выразились теоретические задачи, философские дилеммы, аксиологические сомнения и опасения XXI столетия. Согласно моей исследовательской гипотезе, уникальность дискуссии об антропоцене заключается в том, что она одновременно подрывает антропоцентризм и проблематизирует понятие природы. С понятийной точки зрения это очень непростой случай. Мы наблюдаем многомерный процесс разрушения прежних философских оснований антропоцентризма. Обнаруживаются их иллюзорность и опасность диктуемой ими стратегии. Как будет видно из следующих глав, исследователи различных географических оболочек Земли, климатологи, экономисты, социологи и философы убедительно доказывают, что нам следует пересмотреть свои понятия и теории с позиций постантропоцентризма, заботы об окружающей среде и изменения климата.

Природа — уже не «природные ресурсы», о вещественные технической наукой и промышленностью: в XXI веке это понятие оказалось нормативным и глубоко проблематичным. Как указывает польский философ Збигнев Врублевский, специфика изучения природы на фоне экологического кризиса рубежа XX–XXI веков определяется несколькими факторами. С одной стороны, нам предстоит подумать о границах природы, ее неспособности к восстановлению и необратимости

¹ *Bonneuil C.* The Geological Turn. Narratives of the Anthropocene // Hamilton C., Bonneuil C., Gemenne F. (ed.). *The Anthropocene and the Global Environmental Crisis. Rethinking Modernity in a New Epoch.* London, New York: Routledge, 2015. P. 22.

² *Fressoz J.-B.* *Losing the Earth Knowingly.* P. 82–83.

причиненного ей ущербу¹. С другой — обнаруживается хрупкость природы, потому что все чаще нарушается стабильность природных систем, которые не успевают восстановиться за слишком короткое время. Более того, мы видим, что человек располагает необычайно сильными средствами для преобразования того, что ранее оставалось неизменным, поэтому различие между естественным и рукотворным стирается. В результате понятие природы уже нельзя определить однозначно, и оно представляет собой проблему². Участники современных дискуссий об окружающей среде постоянно пытаются определить то, что мы называем природой, как объект, нуждающийся в нашей защите, — началась эпоха постнатурализма³. Одна из главных тем разговора об антропоцене — необратимая утрата природы: утрата коралловых рифов, биологического разнообразия, стабильности климата. В то же время за счет введения категории антропоцена на первом плане оказалась способность человека воздействовать на окружающую среду, что, в свою очередь, делает бессмысленной дальнейшую приверженность таким представлениям, как суверенная природа, рассматриваемая в качестве поля нашей деятельности, не затронутого вмешательством человека⁴. Трансформируя свою

¹ Разговор о границах природы явно рифмуется с одним из важнейших событий 70-х годов XX века, когда благодаря публикации подготовленного в рамках Римского клуба доклада (*Meadows D. et al. The Limits to Growth. A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind.* New York: Potomac Associates — Universe Books, 1972) началась дискуссия о пределах роста. Представленные в докладе расчеты долгое время недооценивали, полагая, что применение еще неизвестных научных открытий и разработка новых технологий помогут «обойти» проблему истощения природных ресурсов.

² *Wróblewski Z. Natura i cele. Dyskusja argumentu teleologicznego na rzecz ochrony przyrody.* Lublin: Wydawnictwo KUL, 2010. S. 19–29.

³ См., например, *Dryzek J. S. The Politics of the Earth.* Environmental Discourses. Oxford: Oxford University Press, 1997; *Asdal K. The Problematic Nature of Nature. The Post-Constructivist Challenge to Environmental History // History and Theory, Theme Issue.* 2003. Vol. 42. P. 60–74; *Castree N. Making Sense of Nature.*

⁴ См. *Proctor J. Saving Nature in the Anthropocene // Journal of Environmental Studies and Sciences.* 2013. Vol. 3. P. 83–92.

среду обитания, мы добились того, что наше влияние на многие ее аспекты достигло доселе невиданных масштабов. В итоге то, что мы знали и понимали раньше, стало неузнаваемым.

Мы можем принять за основную истину следующее: если тип мышления, присущий нам до сих пор, привел к планетарному кризису эпохи антропоцена¹, вряд ли он поможет нам преодолеть этот кризис. Поэтому исследователи лихорадочно ищут новые формы высказываний. Как будет видно из последующих разделов, кризис, который мы наблюдаем в период, названный антропоценом, требует серьезного переосмысления и, вероятно, пересмотра многих ключевых понятий философии: представлений не только о природе и человеке, но и о времени, истории, причинности, ответственности и даже о политике и обществе. В трудных, нестабильных условиях, характерных для эпохи антропоцена, следует пересмотреть и понятие свободы. Раньше мы определяли ее, с гордостью подчеркивая способность человека противостоять силам природы и стихийным бедствиям². Однако теперь, когда человек научился воздействовать на климатические условия (именно такое воздействие подразумевает термин «геоинженерия») и строит смелые планы терраформирования³, свободу *homo sapiens* надлежит понимать как разумную ответственность перед планетой.

¹ К сожалению, у употребляемого здесь понятия кризиса есть серьезный недостаток: оно не выражает всей сути проблем, с которыми мы столкнулись в XXI веке. Оно отсылает к линейному времени: кризис — это перелом, сложная, напряженная ситуация, из которой можно выйти, и тогда все встанет на свои места. Но, учитывая, что нанесен непоправимый вред, а критические пороги и переходные стадии давно остались позади, в эпоху антропоцена мы не можем «утешать» себя кризисом. Дело приняло очень серьезный оборот.

² Hamilton C., Bonneuil C., Gemenne F. Thinking the Anthropocene // Hamilton C., Bonneuil C., Gemenne F. (ed.). The Anthropocene and the Global Environmental Crisis. Rethinking Modernity in a New Epoch. London, New York: Routledge, 2015. P. 5–8; Bonneuil C., Fressoz J.-B. The Shock of the Anthropocene. The Earth, History and Us. London, New York: Verso, 2016. P. 40–42.

³ Тераформирование — изменение климатических условий другой планеты, спутника или какого-либо другого небесного тела с целью сделать их пригодными для обитания человека. — *Прим. пер.*

При этом размышления об окружающей среде в эпоху антропоцена пронизаны чувством разочарования и беспомощности. Поэтому антропоцен заявляет о себе и как эпоха отрицания, недальновидности, стремления спрятать голову в песок и дениализма¹. Вот почему в названии книги появилось слово «апатия», которое пришло из греческого языка². Оно говорит об упадке и увядании. В медицине апатией называют проявления различных расстройств, которые могут вести к серьезным нарушениям процессов мышления и деятельности. Несомненно, в отношении опасностей, сопряженных с изменением климата, мы сегодня пребываем именно в таком состоянии бездействия и оцепенения. Попытки снизить потребление энергетических ресурсов, даже после подписания в 2015 году Парижского соглашения по климату, признаны неэффективными. Поэтому апатия антропоцена — одна из центральных тем этой книги.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЗАДАЧИ

Основная цель работы — философский и понятийный анализ риторики, связанной с изменением окружающей среды, в первую очередь климата, в дискуссиях об антропоцене. Я исхожу из того, что все высказывания обладают определенной риторической нагрузкой, призваны в чем-либо убедить. Говоря о дискурсе антропоцена и о дискуссиях, касающихся антропоцена, я имею в виду размышления о самом этом понятии, которые можно найти в научных высказываниях

¹ В книге я говорю о дениализме, подразумевая, как правило, «скептическое отношение к изменению климата». Такое употребление устоялось в польской литературе на эту тему. Однако в некоторых местах речь идет именно о «дениализме» в широком смысле — иррациональных убеждениях, которые строятся на игнорировании выводов науки, их отрицании и нежелании принимать их в расчет.

² В оригинале автор использует другое слово греческого происхождения — *marazm* («истощение», «увядание»). — *Прим. пер.*

геологов, климатологов, представителей науки о Земле как системе (*Earth system science*), специалистов по истории окружающей среды, специалистов по социальной географии, антропологов, философов и социологов, а также отчасти в научно-популярной литературе¹. В Приложении 1 перечислены основные работы об антропоцене, которые учитывались при написании этой книги, и, кроме того, наиболее заметные исследователи, участвующие в дискуссии на интересующую нас тему. Конечно, эти размышления трудно назвать однородными, однако в них отчетливо прослеживается набор повторяющихся понятий, которые последовательно рассмотрены в этой работе и также приведены в приложениях в конце книги.

Анализ риторики дискуссий об антропоцене и отбор материала для него неизбежно упрощают реальную картину. Хотя многие второстепенные с точки зрения выбранной темы сюжеты пришлось обойти стороной, очень надеюсь, что в книге мне удалось описать с достаточным охватом наиболее значимые мотивы, позиции и типы аргументации в дискуссии об антропоцене. Я могу подкрепить эту надежду тем, что, как я уверена, в моем анализе учтены все важнейшие типы дискуссий об антропоцене сравнительно с обзорами, сделанными другими авторами². Хотя этот анализ нельзя назвать

¹ Эйлин Крист, американский специалист по социологии окружающей среды, придерживается примерно такого же подхода, однако предметом ее внимания являются только естественно-научные работы Крутцена и Стеффена, а также размышления на тему так называемого благого антропоцена. *Crist E. On the Poverty of Our Nomenclature // Moore J. W. (ed.). Anthropocene or Capitalocene? Nature, History, and the Crisis of Capitalism. Oakland: PM Press, Kairos, 2016. P. 14–33.*

² См., например, *Hamilton C., Bonneuil C., Gemme F. (ed.). The Anthropocene and the Global Environmental Crisis. Rethinking Modernity in a New Epoch. London, New York: Routledge, 2015; Moore J. W. (ed.). Anthropocene or Capitalocene? Nature, History, and the Crisis of Capitalism. Oakland: PM Press, Kairos, 2016; Angus I. Facing the Anthropocene; Bonneuil C., Fressoz J.-B. The Shock of the Anthropocene; Hamilton C. Defiant Earth. The Fate of Humans in the Anthropocene. Cambridge, MA: Polity Press, 2017. Французский историк*

исчерпывающим со всех точек зрения (что было бы попросту невозможно), я приложила все усилия, чтобы сделать его удовлетворительным.

В книге несколько планов. Прежде всего она опирается на сигналы, поступающие со стороны естественных наук. Данные эмпирических исследований я почерпнула из работ в области изучения планетарных границ и географических оболочек Земли, геологии и климатологии. В книге я привожу результаты таких исследований, и в этом отношении она неуклонно следует фактам и эмпирическим данным и написана в натуралистическом ключе¹. Рассмотрены такие описанные точными науками явления, как нарушение планетарных границ, утрата биологического разнообразия и изменение климата.

Однако важнее всего в представленных здесь исследованиях их философский, понятийный план, связанный с анализом истоков и прослеживанием отношений между различными категориями, с дилеммами, парадоксами, а также скрытыми за аргументацией ценностными суждениями, которые, как правило, не высказываются напрямую. Таким образом, в книге я анализирую риторику антропоцена, рассматривая

Кристоф Бонней, например, упоминает следующие основные типы дискурсов, сформировавшихся вокруг идеи антропоцена: 1) натуралистический естественно-научный дискурс; 2) постнатуралистическая критика антропоцена; 3) дискурс экологической катастрофы; 4) экомарксистский дискурс, утверждающий идею капиталоцена (*Bonneuil C. The Geological Turn. Narratives of the Anthropocene*). Все эти типы учтены в настоящей книге (а кроме того, в ней рассмотрены характерный для экомодернизма дискурс благого антропоцена и риторика геоинженерии). Моя оценка и интерпретация этих дискурсов отличаются от подхода Боннея; к тому же я рассматриваю их более подробно. Приводя примеры, французский историк часто относит несхожие, на мой взгляд, позиции к одному типу дискурса. Например, теории Латура, Ульриха Бека, Энтони Гидденса и дискурс благого антропоцена он называет элементами «большого постнатуралистического нарратива» (см. *Bonneuil C. The Geological Turn. Narratives of the Anthropocene*. P. 24–25).

¹ Говоря о «натуралистических» перспективах или дискурсах, я имею в виду подходы, в основе которых лежит философская и методологическая традиция эмпирического экспериментального естествознания.

высказывания о нем с семиотической, нормативной и теоретической точки зрения¹. Я пытаюсь выявить их уникальные черты: новую, непривычную терминологию, вопросы, которых не ставили раньше, и даже области рефлексии, в которых творческая и исследовательская мысль заходит в тупик. Я отслеживаю общие для многих авторов понятия (составляя словарь антропоцена) и предпосылки, предлагаю трактовки анализируемых текстов, систематизируя их в соответствии с ключевыми мотивами, которые выделяю в них. Кроме того, в книге даны определения многих понятий, являющихся ключевыми для рассматриваемых дискуссий. Композиция книги предполагает последовательный анализ основных риторических приемов, встречающихся в дискуссии об антропоцене, и выявление фигур речи, особенно часто используемых участниками этой дискуссии. Какие идеи, метафоры и какие философские установки по умолчанию преобладают в современных размышлениях о кризисном состоянии планеты и климата? Какие скрытые значения они главным образом подразумевают? Какое место они занимают в сегодняшних попытках нарисовать картину будущего? Утрачена ли для нас природа? Вправду ли мы погрузились в апатию? Что мы имеем в виду, говоря, что опасное изменение климата должно заставить

¹ Подобные методы анализа можно применять в двух других научных областях — экокритике (*Clark T. Ecocriticism on the Edge. The Anthropocene as a Threshold Concept.* London: Bloomsbury, 2015) и уже упоминавшейся эколингвистике (*Sibbe A. Ecolinguistics. Language, Ecology and the Stories We Live By.* London, New York: Routledge, 2015). Однако они не вписываются полностью ни в одно из упомянутых направлений. Экокритика (исследование литературы об окружающей среде) изучает отношения между литературой и окружающей средой. Предметом ее размышлений являются восприятие дикой природы и изображение взаимодействия человека с природной средой в литературе. В свою очередь, эколингвистика, становление которой началось в 90-е годы XX века, анализирует роль языка в отношениях человека с другими видами и экосистемами. Эколингвистика воспринимает человека как элемент природных экосистем. При этом она также поднимает интересующий меня вопрос о том, как сформулировать проблему изменения климата и климатической справедливости.

современные общества пересмотреть привычный образ действий? Как мы представляем себе глобальное общество конца XXI века? Как мы убедимся, нам придется иметь дело с целым «зверинцем удивительных идей»¹.

Иначе говоря, в этой книге мы попытаемся ответить на вопрос, чем в сущности объясняется необычайный дискурсивный и философский потенциал понятия антропоцена и дискуссий, которые ведутся вокруг него. Думаю, идея антропоцена побуждает формулировать глубокие философские вопросы и в то же время ставит перед многими дисциплинами уникальные задачи. Она вдохновляет и стимулирует нетривиальные дискуссии, которые нам сейчас необходимы. Конечно, высказывания на тему нарративов, посвященных антропоцену, порой также влекут за собой различные теоретические ограничения, которые могут, в свою очередь, препятствовать развитию определенных направлений мысли.

Однако дело не в самих дискуссиях. Читатель, безусловно, поймет это с первых же страниц книги. Мы говорим об апатии, пронизывающей размышления о климате и окружающей среде, и апатии эпохи антропоцена в целом. Ведь участники рассматриваемых здесь дискуссий обсуждают нечто гораздо более важное — саму апатию и то, что можно назвать вопиющим пренебрежением по отношению к климату и окружающей среде, а не только связанные с этими проблемами риторику и терминологию. Поэтому в книге невольно звучат эмоциональные, даже тревожные интонации. Многочисленные прогнозы точных наук относительно того, что голоцен нарушит прежнее равновесие различных систем нашей планеты, и в самом деле внушают беспокойство. Невозможно говорить об этом, не испытывая никаких чувств, в том числе уныния

¹ См. *Latour B. Anthropology at the Time of the Anthropocene — a Personal View of What is to Be Studied*. Distinguished lecture, American Association of Anthropologists, Washington, December 2014. P. 11: <http://www.bruno-latour.fr/sites/default/files/139-AAA-Washington.pdf>.

и негодования. Сами участники дискуссии об антропоцене нередко выражают вполне определенные политические убеждения, ясно обозначая свои ценностные приоритеты и давая волю ощущению подавленности и разочарования. Так или иначе, книга на всех перечисленных уровнях демонстрирует, что сейчас нам предстоит в корне пересмотреть свои представления о природе, климате, будущем цивилизации, ответственности и человеке.

На мой взгляд, нашей стране недостает удовлетворительного, последовательного осмысления риторики споров об антропоцене, которое было бы сосредоточено на решении понятийных задач, связанных с планетарными границами, климатической катастрофой и утратой биологического разнообразия. Темы гибели природы, экологической справедливости, компенсации нанесенного климату ущерба, а также пересмотра социальных теорий и экономических моделей с учетом изменения климата еще не обсуждаются достаточно широко. Ничего не сказано о нежелательном риторическом воздействии дискурса геоинженерии или полезного антропоцена. Надеюсь, что новые подходы восполнят этот пробел.

Работая над книгой, я однозначно убедилась, что следует всячески способствовать популяризации экологических исследований в области науки и технологий (*science and technology studies — environmental, STSE*)¹. Они вполне вписываются в междисциплинарный проект развития экологических гуманитарных наук², о которых речь пойдет в шестой части

¹ *Elshof L.* Changing Worldviews to Cope with a Changing Climate // Irwin R. (ed.). *Climate Change and Philosophy. Transformational Possibilities.* New York: Continuum, 2010. P. 75–108; *Yearley S.* *Cultures of Environmentalism. Empirical Studies in Environmental Sociology.* Hampshire, New York: Palgrave Macmillan, 2005; ср. *Bińczyk E., Derra A.* (red.). *Studia nad nauką oraz technologią. Wybór tekstów. Przekład zbiorowy.* Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, 2014.

² *Castree N.* *The Anthropocene and the Environmental Humanities* // *Environmental Humanities.* 2014. Vol. 5. P. 234; *Adamson J., Gleason W., Pellow D.* (ed.). *Keywords for Environmental Studies.* New York: New York University Press, 2015.

книги. Думаю, исследования в русле STSE пока недостаточно представлены в польском дискурсе гуманитарных дисциплин. Ученые-гуманитарии и участники общественных дискуссий в нашей стране еще слишком редко принимают во внимание, что апатия, присущая политике в области климата и рефлексии по поводу окружающей среды, может быть следствием явления, хорошо описанного в рамках исследований науки и технологий (STS), когда в обществе намеренно культивируются сомнения (с помощью сознательной дезинформации, лоббирования, насаждения скептицизма, попыток подорвать авторитет науки и согласие в академических кругах или прибегнуть к риторике отрицания). Более того, как показывают экологические исследования в области науки и технологий, вопрос о политическом статусе научного авторитета, особенно в том, что касается изучения географических оболочек Земли, по-прежнему актуален. Одна из интересных задач STSE заключается в том, чтобы разоблачить практики и риторические стратегии дениализма или «зеленого камуфляжа»¹ — важных орудий пропаганды, к которым в начале XXI века прибегают сторонники консервативного мышления и политики.

Своего рода побочным следствием этой работы может оказаться более интенсивное взаимодействие между следующими дисциплинами, пытающимися найти ответы на вопросы об антропоцене, планетарных границах и климатической катастрофе: философией и науками об окружающей среде, исследованиями науки и технологий и историей окружающей среды, социальной географией, экономическими теориями

¹ См. *Dalby S. Framing the Anthropocene. The Good, the Bad and the Ugly // The Anthropocene Review. 2016. Vol. 3 (1). P. 34.* «Зеленый камуфляж» (англ. *greenwashing*) — экологическая подделка, «зеленый» пиар, цель которого — ввести аудиторию в заблуждение, без каких-либо оснований представляя свою деятельность или товары как безвредные для окружающей среды, производимые в экологически чистых условиях или приносящие пользу природе.

общества и капитала, переосмысленными с учетом изменения климата, а также социологией окружающей среды и риска. Я очень надеюсь, что настоящая книга поможет выработать междисциплинарный, по возможности целостный теоретический словарь, который позволит представителям разных наук участвовать в общей дискуссии о проблеме климата в эпоху антропоцена. Еще одна, дополнительная исследовательская задача, которую я перед собой ставлю, — выявление и критический анализ наиболее ощутимых пробелов в размышлениях об окружающей среде в начале XXI века.

Антропоцен — уникальная эпоха, когда инвестиционные решения обладают также геологическим, политическим и экзистенциальным смыслом, а мировую экономику следует воспринимать как фактор, влияющий на формирование биосферы¹. Ведется ли вообще в публичной сфере разговор о том, что, если мы не собираемся игнорировать планетарные пределы, нам еще в первой половине XXI века придется внести серьезные коррективы в развитие общества и экономики? Сознают ли граждане развивающихся стран, сколь тяжело бремя исторической ответственности за загрязнение окружающей среды? Отдаем ли мы себе отчет в том, что на самом деле означает необратимое и происходящее ускоренными темпами сокращение биологического разнообразия, которое мы наблюдаем? Почему антропоцен называют эпохой «эффекта домино», критических порогов² и непоправимых потерь? Учитываем ли мы экономическое влияние тех, кто выступает

¹ Понятие биосферы ввел в 1875 году австрийский геолог Эдуард Зюсс, а в 30-е годы XX века популяризовал советский геохимик Владимир Вернадский. Оно подразумевает единство связей между океанами, почвой, свойствами атмосферы и всем живым на планете. Иными словами, биосфера включает в себя гидросферу, литосферу и атмосферу.

² Критическими порогами (*tipping points*) в климатологии называют моменты резкого перехода от одного стабильного состояния климата к другому (моменты изменения факторов, критических для состояния климата). Речь идет об относительно небольших изменениях с далекоидущими или необратимыми последствиями. К этому понятию я еще вернусь в следующих частях книги.

против законов, направленных на защиту окружающей среды? Понимаем ли мы, насколько неравны силы: нефтеперерабатывающие заводы и автомобильная промышленность, с одной стороны, и природоохранные организации, с другой? Знает ли, наконец, аудитория массмедиа, что из высказываний, касающихся настоящего и будущего окружающей среды, транслировать следует лишь те мнения экспертов, которые заслужили одобрение представителей соответствующей науки, то есть прошли процедуру анонимного рецензирования со стороны специалистов (*peer review*)?

Еще одна стоящая передо мной задача — определить границы представлений об окружающей среде у участников дискуссии об антропоцене. Совершенно ясно, что *homo sapiens* как фактор геологического значения в экзистенциальном плане занимает совсем иную позицию, чем какой-либо другой вид живых существ. Мы говорим о дальнейшем существовании людей на Земле и при этом задаемся вопросом о самом смысле существования человека как вида. Экзистенциальная проблематика вновь отсылает нас и к вопросу о допустимой мере человеческой свободы. До какой степени мы имеем право вмешиваться в процессы, происходящие в литосфере, атмосфере и гидросфере? Вправе ли человек заниматься генной инженерией¹ или распылать серу в стратосфере, оставив эту меру на тот крайний случай, если политика в отношении климата зайдет в тупик? В чем мы должны видеть опасность антропоцена? Должны ли мы распрощаться с прежними способами вести дискуссии об окружающей среде, потребность в которых была так велика, но которые при этом не принесли желаемого результата? Как выразить и осуществить мечту о всеобщей ответственности за планету? Какая риторика в состоянии побуждать к действиям, а какая лишь способствует все той же пассивности

¹ О генной инженерии как возможной реакции на риск климатической катастрофы речь пойдет в восьмой главе.

и беспомощности? На эти вопросы я попытаюсь ответить в своей книге. Однако не могу обещать, что ответы найдутся на каждый из них.

ФИЛОСОФИЯ И ЗАДАЧИ АНТРОПОЦЕНА

Хотя антропоцен, по мнению многих исследователей, чьи имена приведены ниже, таит в себе исключительную опасность, поскольку грозит вывести все системы нашей планеты из равновесия, в котором они оставались на протяжении периода голоцена, это не означает, что ранее темы уничтожения окружающей среды и влияния на нее человека, которое достигло неслыханных масштабов, не поднимались. Специалисты по истории окружающей среды подчеркивают, что подобная озабоченность сопутствует нам по меньшей мере со времен промышленной революции. Проблематикой эксплуатации и разрушения природы занимались, в частности, представители экофилософии и экологической этики, изучающие вопросы устойчивого развития, пределов роста и глобальной ответственности. И все же разговор об антропоцене происходит несколько обособленно, а может быть, в невольном отрыве от прежних философских рассуждений на тему опасностей, грозящих окружающей среде. Удивительно, что участники дискуссии об антропоцене редко обращаются к традиции экофилософии и экологической этики.

Между тем исследования в области экофилософии и экоэтики сосредоточены именно на проблеме взаимоотношений человека и окружающей среды, сопряженных с ними ценностей, обязательств и норм, регулирующих такие отношения¹. Экофилософия «по-новому определяет симбиотические отношения человека и Природы», опираясь на знания естественных

¹ См., например, *Piątek Z. Ekofilozofia*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2008; *Tyburski W. Dyscypliny humanistyczne i ekologia*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, 2013.

наук (теории эволюции, этологии, экологии)¹. Экоэтика пытается решить такие задачи, как разработка принципов гармоничного сосуществования с природой, воспитание уважения к природе, умения высоко ценить то, что создано природой, ее эстетику, осознания ответственности перед ней. Как самостоятельные дисциплины экофилософия и экоэтика сформировались в 70-е годы XX века, хотя размышления на эти и смежные темы уходят корнями глубоко в историю².

Как будет видно из шестой главы, участники дискуссии об антропоцене весьма сдержанно относятся и к парадигме устойчивого развития. Между тем философия устойчивого развития — одна из главных областей экофилософии и экологической этики. Напомним: заседание ООН, прошедшее в 1972 году в Стокгольме, стало первой международной конференцией по охране окружающей среды, и именно тогда была сформулирована идея, позже легшая в основу концепции так называемого устойчивого, стабильного, непрерывного (англ. *sustainable*) развития³. В 1987 году Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию, созданная четырьмя годами раньше, опубликовала доклад «Наше общее будущее» (*Our Common Future*)⁴, который имел революционный характер и в котором были обозначены принципы устойчивого развития. В первую очередь это принцип справедливости по отношению к представителям своего и других поколений. Он заключается в том, что устойчивое развитие не должно

¹ *Piątek Z. Ekofilozofia. S. 23.*

² Среди мыслителей, внесших наиболее заметный вклад в формирование традиции экофилософии и экологической этики, можно назвать Ральфа У. Эмерсона, Генри Д. Торо, Альдо Леопольда, Холмса Роулсона III, Пола У. Тейлора, Альберта Швейцера, Арне Несса и Генрика Сколимовского.

³ Первым документом ООН, посвященным проблеме деградации окружающей среды, был доклад Генерального секретаря ООН У Тана под названием «Человек и его среда» (1969).

⁴ *Brundtland G. H. Our Common Future. Report of the World Commission on Environment and Development. Oxford: Oxford University Press, 1987.*

лишать нынешние и будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности, поэтому предполагает борьбу с проблемами нищеты и неравных экономических условий¹. Идея устойчивого развития включает в себя задачу сохранения экологической стабильности, задачу дальнейшего экономического развития с учетом его воздействия на окружающую среду и справедливость по отношению к представителям своего и других поколений². Как ясно из сказанного, речь идет о единстве социальной, природной и экономической систем.

Принципы устойчивого развития и глобальной ответственности стали предметами международной дискуссии на «Саммите Земли» — конференции ООН, состоявшейся в 1992 году в Рио-де-Жанейро. Этика глобальной ответственности формируется благодаря размышлениям на тему все более заметного влияния и мощи человека в эпоху индустриальной цивилизации, символом чего может служить появление оружия массового поражения. Она обращается к проблематике опасности, угрожающей цивилизации³. Глобальная ответственность — это ответственность за сохранение человеческого рода на планете сейчас и в будущем. Идея глобальной ответственности связана с вопросом о том, кто является субъектом ответственности (обобщенное глобальное «мы») и какими должны быть масштабы деятельности и границы свободы этого субъекта (ответственности «за»), равно как и о том, какие организации должны регулировать эту ответственность на мировом уровне (ответственность «перед» природой или будущими поколениями⁴).

¹ *Papuziński A.* Filozofia Raportu Brundtland // *Sadowski R. F., Łepko Z.* (red.). «Theoria» i «praxis» zrównoważonego rozwoju. 30 lat od ogłoszenia Raportu Brundtland. Warszawa: Towarzystwo Naukowe Franciszka Salezego, 2017. S. 132.

² *Tyburcki W.* Dyscypliny humanistyczne i ekologia. S. 83–91.

³ *Ciążela H.* Problemy i dylematy etyki odpowiedzialności globalnej. Warszawa: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogiki Specjalnej im. M. Grzegorzewskiej, 2006. S. 52 n.

⁴ О формировании идеи ответственности за будущие поколения см. *Birn-bacher D.* Verantwortung für zukünftige Generationen. Stuttgart: Reclam, 1988.

Теоретическую основу экофилософии составляют не только принципы устойчивого развития, но также принципы этики ответственности и осознанного самоограничения Ханса Йонаса и макроэтики взаимной ответственности Карла-Отто Апеля и Пета Стридома¹. Можно сказать, что это оптимистическая философия, потому что она рассматривает возможности дальнейшего, целостного социально-экономико-экологического развития. Такого рода развитие она считает стратегически осуществимым.

Как мы увидим, для постэкологической философии антропоцена характерна иная риторика. В ней по-другому расставлены акценты. Прежде всего это философия почти наверняка неотвратимой климатической катастрофы и неспособности регулировать состояние планеты. Ее главная тема — необратимые потери и навсегда упущенные шансы XXI столетия. Эту философию в большей степени можно назвать экзистенциальной, и в ней сильнее ощущаются драматические и даже эсхатологические настроения, чем в экологической философии и этике XX века.

Что касается проблемы изменения климата, к сожалению, философских работ, которые затрагивали бы ее непосредственно, не слишком много (как в Польше, так и в других странах). Между тем она, несомненно, представляет собой важную для эпохи антропоцена теоретическую задачу, причем сопряженную с вопросом, к чему мы движемся — к революции или к разрушению². Причина подобного положения вещей заключается, безусловно, в периферийном положении экофилософии, равно как и проблемы дестабилизации

¹ Об этом я писала раньше в работе, посвященной контролю нежелательных последствий научно-технического прогресса: *Bińczyk E. Technonauka w społeczeństwie ryzyka. Filozofia wobec niepożądanych następstw praktycznego sukcesu nauki.* Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, 2012. S. 271–375.

² *Schönfeld M. Field, Being, Climate. Climate Philosophy and Cognitive Evolution // Irwin R. (ed.). Climate Change and Philosophy. Transformational Possibilities.* New York: Continuum, 2010. P. 21–23.

климата в самой этой дисциплине¹. Сейчас экофилософию воспринимают как направление, отстающее от основного потока философских исследований². Кроме того, философия окружающей среды не уделяет должного внимания проблеме климатической катастрофы. Первое заседание Американского философского общества, посвященное проблеме климата, состоялось лишь в 2008 году. Однако следует отметить, что внимание философов привлекли этические вопросы, связанные с дестабилизацией климатических условий³.

Насколько мне известно, в обширном корпусе польской литературы по экофилософии и этике окружающей среды пока отсутствуют философские исследования на тему антропоцена. Немного на сегодняшний день и философских работ, предметом которых является проблема изменения климата. Об этико-правовых аспектах климатических изменений пишет Малгожата Каневска⁴, которая рассматривает существующую на сегодня литературу по этике климата и климатических изменений.

¹ Тема дестабилизации климата, увы, оказалась отодвинута на второй план и в академических программах по этике науки и техники. Так продолжалось по меньшей мере до 2010 года! Как отмечено в одном из исследований программ по дисциплинам, изучающим связь науки, техники и общества, в пяти англосаксонских странах тема изменения климата упоминалась всего четыре раза в документах общим объемом 1031 страница. *Elshof L.* Changing Worldviews to Cope with a Changing Climate. P. 105–106.

² См. *Plumwood V.* Nature in the Active Voice // Irwin R. (ed.). *Climate Change and Philosophy. Transformational Possibilities.* New York: Continuum, 2010. P. 34.

³ См. <http://faculty.cas.usf.edu/mschonfe>. См., например, *Coward H., Hurka T.* Ethics and Climate Change. The Greenhouse Effect. Ontario: Wilfred Laurier University Press, 1993; *Gardiner S.M.* Ethics and Global Climate Change // *Ethics.* 2004. Vol. 114. P. 555–600; *Garvey J.* The Ethics of Climate Change. London: Continuum, 2008; *Gardiner S.M. et al.* Climate Ethics. Essential Readings. Oxford: Oxford University Press, 2010; *Broome J.* Climate Matters. Ethics in a Warming World. New York: W.W. Norton, 2012; см. также журнал *Climate Philosophy Newsletter*, издававшийся в 2007–2012 годах.

⁴ *Kaniewska M.* Etyczno-prawne aspekty zmian klimatycznych. Józefów: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Gospodarki Euroregionalnej im. Alcide de Gasperi, 2017.

Если говорить о мировой литературе, то в области философии климатических изменений исключением можно назвать работы Рут Ирвин, философа из Новой Зеландии. Она исследует проблему климатической катастрофы в политическом контексте, используя при этом отдельные категории философии Мартина Хайдеггера¹. В рамках традиции аналитической философии заслуживающим внимания исключением является и подход американского философа Стивена М. Гардинера, с точки зрения которого изменение климата наносит сокрушительный удар по морали². Во второй главе я подробнее останавливаюсь на его позиции.

Тема антропоцена вызвала интерес и у философов — прежде всего, как мы увидим, у авторов, связанных с традицией философии науки и техники, среди которых уже упомянутый Бруно Латур, Донна Дж. Харауэй и Изабель Стенгерс. Датский философ Сверре Раффнсёе, занимающийся изучением мысли Мишеля Фуко, в небольшой работе «Философия антропоцена. Поворот к человеку» (*Philosophy of the Anthropocene. The Human Turn*) пишет об антропоцене как эпохе очередного — несмотря ни на что — гуманистического поворота³. По мнению Раффнсёе, идея антропоцена указывает на изменение отношений между людьми и нечеловеческими субъектами (другими видами и Землей). Поскольку в эпоху антропоцена мы пытаемся *одновременно* дать новые определения человеку, интенциональности и материальному, нам не хватает традиционных понятий, и возникает потребность

¹ *Irwin R.* Heidegger, Politics and Climate Change. Risking It All. London: Continuum Press, 2008; *Irwin R.* (ed.). Climate Change and Philosophy. Transformational Possibilities. New York: Continuum, 2010.

² *Gardiner S.M.* A Perfect Moral Storm. Climate Change, Intergenerational Ethics and the Problem of Moral Corruption // *Environmental Values*. 2006. Vol. 15. P. 397–413; *Gardiner S.M.* A Perfect Moral Storm. The Ethical Tragedy of Climate Change. New York: Oxford University Press, 2011.

³ *Raffnsøe S.* Philosophy of the Anthropocene. The Human Turn. Hampshire, New York: Palgrave Macmillan, 2016. P. viii n.

в новом словаре. Однако, как утверждает Раффнсёе, мы по-прежнему ориентируемся именно на человеческие категории.

Полагаю, наиболее точную интерпретацию этой проблемы мы находим у Латура. В своем докладе для Американской антропологической ассоциации он подчеркивал, что идея антропоцена — прежде всего прекрасный подарок представителей точных наук ученым-гуманитариям¹. Как мы увидим дальше на страницах этой книги, другие авторы разделяют это мнение. В рамках концепции антропоцена ключевым становится вопрос о масштабах влияния и ответственности человека (и поэтому Раффнсёе отчасти прав). Ответственное отношение должно строиться на указанных причинно-следственных связях. В этом плане дискуссия о *homo sapiens* как виде, имеющем геологическое значение, неизбежно упирается в необходимость осознать проблему ответственности человека за облик планеты. Это существенно поднимает престиж гуманитарных наук, экофилософии и экологической этики, равно как и самой дискуссии об антропоцене.

СТРУКТУРА РАБОТЫ

Книга состоит из введения, девяти глав, заключения, трех приложений, именного указателя и библиографии. Приложения «Спор о названии» и «Словарь антропоцена» выполняют также функцию указателя понятий. Первая глава полностью посвящена проблеме изменения климата. Дискуссия об антропоцене не состоялась бы, если бы не проблема климатической катастрофы, которая год от года встает все более остро и грозит все более страшными последствиями. Поэтому я начинаю с изложения сути данной проблемы и истории ее осознания, останавливаясь и на том, как человечество получает надежную информацию об изменении климата.

¹ Latour B. Anthropology at the Time of the Anthropocene.

Во второй главе я объясняю, почему, на мой взгляд, несмотря на значительные усилия сотен исследователей, политиков и активистов, в XXI веке климатическая политика зашла в тупик. Даже Парижское соглашение по климату нельзя считать достаточным основанием для надежды. В этой главе речь пойдет об антропоцене как эпохе апатии, а также об институциональных, когнитивных, психологических и эмоциональных предположениях, заставляющих людей отрицать, что планета находится в опасности. Почему попытки начать разговор об изменении климата почти всегда оборачиваются неудачей? Кроме того, здесь я говорю о чувстве вины, которое испытывают рядовые граждане, и привожу свидетельства беспомощности ученых, подавленных тем, что политики не принимают действенных экономических мер по снижению выбросов углекислого газа.

В третьей главе я прослеживаю формирование дискуссии об антропоцене. На начальном этапе ее участники пытались в первую очередь ответить на вопрос, действительно ли мы вступили в эпоху антропоцена. Как мы увидим, отвечая на этот вопрос, необходимо учитывать методологическую специфику стратиграфии. Если мы хотим объективно судить об антропоцене, следует обратить внимание и на данные науки о Земле как системе, определяющей так называемые планетарные границы, от соблюдения которых зависит сохранение известных нам форм жизни. Спор о начале антропоцена был связан с дискуссией о подходящем названии для новой геологической эпохи, которую констатировали представители естественных наук. Как я постараюсь показать, обе дискуссии носят нормативный и даже идеологический характер, непосредственно затрагивая вопрос ответственности и вины, обусловленных радикальными изменениями, которые грозят вывести различные системы нашей планеты из равновесия, отличавшего эпоху голоцена.

В четвертой главе я ввожу ключевые понятия, составляющие уникальный словарь антропоцена. Как и сама дискуссия об эпохе человека, этот словарь носит междисциплинарный

характер. В нем фигурируют такие понятия, как «постприрода», «климатический разрыв», «Гея», «адаптационный апартеид», «климатическая справедливость», «климатический долг», «экологические права человека», «непоправимый ущерб», «геоистория», «плантационен» и «непрерывный апокалипсис». Также в четвертой главе я рассмотрю принципиально важные для дискуссии об антропоцене вопросы критики антропоцентризма, активности человека и природных факторов.

В пятой главе обрисован обширный диапазон тем, обсуждаемых в рамках дискуссии об антропоцене. Прежде всего я вступаю в спор с технооптимизмом и картиной так называемого благого и даже прекрасного антропоцена, характерными для экомодернизма, равно как и с присущей ему безапелляционной критикой, которая, в частности, исходит от исследователей, отстаивающих экономическую концепцию построста. Картину дополняют размышления о капиталоцене и метаболизме Земли. Кроме того, в этой главе я останавлиюсь на некоторых нюансах чрезвычайно важного для меня разговора об умеренном, смиренном антропоцентризме, с точки зрения которого необходимость взять на себя ответственность следует уже из тех власти и силы, которыми обладает человек.

В шестой главе речь пойдет о том, что в XXI веке экологическим проблемам не уделяют достаточного внимания. Это следствие преобладающих в публичном дискурсе пагубных метафор, теоретических принципов, понятийных установок и ошибочных мер, из которых складывается история деятельности по охране окружающей среды во второй половине XX века. Участники дискуссии об антропоцене подчеркивают недостатки парадигмы устойчивого развития, оппоненты которой называют ее всего лишь видимостью, не предполагающей постановки конкретных этических вопросов в отношении преобладающих экономических моделей. Как я постараюсь показать, чтобы выйти из климатического тупика,

необходимо скорректировать международное торговое право, которое позволяет транспортировать опасные, загрязняющие атмосферу вещества на большие расстояния. Нащупывая возможные стратегии, которые облегчили бы преодоление препятствий, встающих на пути защитников окружающей среды, я подчеркиваю значимость политики природы и отмечаю крайне интересные тенденции, ведущие к экологизации гуманитарных наук.

В следующей главе я обращаюсь к еще одной важной для моей работы теме — риторическим стратегиям, применяемым при распространении ложной информации, которая призвана вызвать скептическое отношение к проблеме глобального потепления. Благодаря исследователям, изучающим связи между наукой, техникой и обществом, мы понимаем, чем объяснялся успех медийных кампаний, направленных на отрицание антропогенных факторов как причины изменения климата, а именно этот успех, несомненно, предопределил апатию эпохи антропоцена. В седьмой главе поднимается также вопрос о том, как не допустить подрыв авторитета науки (в том числе климатологии) под воздействием порочной практики «торговли сомнениями» и в условиях, когда в интересах промышленности людей убеждают в неоднозначности подобных утверждений.

Восьмая глава посвящена экстренным мерам эпохи антропоцена, прежде всего планам геоинженерии и шокирующему проекту модификации человеческого организма в ответ на риск климатических изменений. Я обозначаю технологии и решения в области климатической инженерии, которые сегодня считаются наиболее перспективными и реалистичными. Кроме того, я коснусь поучительной истории прежних планов воздействия на погоду, когда-то тоже заявленных как экстренные меры, принимать которые следует только в исключительно опасных обстоятельствах. Не останутся без внимания и уже проводившиеся эксперименты по удобрению океанских

вод железом и распылению серы в стратосфере — эксперименты, противоречащие соглашениям ООН по охране природы.

В девятой главе я рассматриваю риторику контроля, наименьшего вреда и надежного аварийного плана, к которой прибегают сторонники как климатической, так и генной инженерии. В рамках подробного критического анализа обоих проектов я стараюсь выявить их общие черты и отличия. Указывая, какие риторические ловушки нас могут подстеречь, я останавливаюсь на возможных сценариях адекватной реакции на риск климатических изменений. Отдельного упоминания заслуживают и не менее опасные философские позиции, такие как унаследованный от эпохи Просвещения сциентизм и технологический императив¹, оправдывающие геоинженерию.

В заключении я систематизирую выводы своего исследования. Они касаются в первую очередь уникального дискурсивного и философского потенциала самой идеи антропоцена и захватывающей дискуссии на эту тему, толчком к которой послужило высказанное Крутценом и Стормером предположение. Я последовательно рассматриваю основные причины, в силу которых разговор об антропоцене может стать одной из важнейших дискуссий нашего столетия. Кроме того, речь здесь пойдет об истоках характерной для антропоцена апатии и главных аксиологических дилеммах этой эпохи.

¹ Термин ввел польский специалист по социологии техники Лех В. Захер. Технологический императив — это убеждение, что еще неизвестные нам открытия и будущие достижения техники станут панацеей от экономических, социальных и экологических недугов человечества: *Zacher L. W. Transformacje społeczeństw. Od informacji do wiedzy*. Warszawa: Wydawnictwo C. H. Beck, 2007. S. 171. В англоязычной литературе такую позицию называют *technological fix* («техническое решение проблемы») или *technological shortcut* («быстрое решение техническими средствами»).